

X

на правах рукописи

ГОЛЬЦОВ Сергей Дмитриевич

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ
ГОСУДАРСТВАМИ В ПОРЯДКЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ САМОПОМОЩИ**

Специальность 12.00.10 - Международное право. Европейское право.

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Москва - 2005

Диссертация выполнена на кафедре международного права Московского государственного открытого университета Министерства образования и науки Российской Федерации

Научный руководитель: Доктор юридических наук,
профессор **МАЛЕЕВ Юрий Николаевич**

Официальные оппоненты: Доктор юридических наук,
профессор **ЛЯХОВ Евгений Григорьевич**

Кандидат юридических наук,
ДЖАНТАЕВ Хасан Магомедович

Ведущая организация: Дипломатическая академия МИД России

Защита состоится "12" апреля 2005 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д212.203.21 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 347.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов.

Автореферат разослан «10» марта 2005 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

кандидат юридических наук _____ Е.П. Ермакова

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Вопрос о применении государствами силы в порядке индивидуальной вооруженной самопомощи (далее - ИВС) относится к числу наиболее острых в международном праве. ИВС никогда не исчезала из практики государств. А реалии последнего времени, особенно после 11 сентября 2001 года, антииракской кампании 2003-2004 годов все более привлекают внимание к институту ИВС многих политиков и юристов.

При этом различно понимание мер ИВС, что само по себе является актуальной международной проблемой, поскольку такое понимание варьируется от «обычной» самообороны до принятия превентивных мер защиты в целях сохранения социально-политического устройства, образа жизни, реакции на этнические и межконфессиональные конфликты, акты международного терроризма и т.п. Новые угрозы и вызовы современности значительно способствуют повышению внимания к рассматриваемому в настоящей диссертации институту.

В современных условиях все большее значение приобретает фактор построения межгосударственных отношений не просто на основе общепризнанных принципов и норм международного права (это воспринимается как прописная истина), но с учетом баланса между системой коллективной безопасности и правом государств на ИВС.

Целью настоящей диссертации является представить исследование теоретических основ института ИВС в международном праве, выявить правовые особенности их толкования и порядка использования на практике в контексте доктрины национальной (государственной) безопасности и международной безопасности и предложить концептуальную позицию относительно понимания и применения мер ИВС государствами в современный период.

Методологической основой диссертации являются законы системного анализа, дедукции и индукции. Используется междисциплинарный подход, предполагающий комплексное исследование соответствующих вопросов с привлечением методологии, принятой в праве вооруженных конфликтов, общей теории международного права, военного права, праве международной безопасности и др.

При проведении исследования диссертант использовал соответствующие теоретические положения и выводы российских и зарубежных авторов, а также материалы практики и нормативный материал международных договоров и законодательства государств.

Диссертант в своей работе опирался на труды таких отечественных ученых как А.Х. Абашидзе, А.Ф. Андреев, Л.Н. Анисимов, Ю.Л. Атливанников, Ю.Г. Барсегов, К.А. Бекашев, Б.Г. Бигуаа, И.П. Блищенко, Х.М. Джантаев, Г.П. Жуков, Г.В. Игнатенко, Р.А. Каламкарян, В.А. Каргашкин, А.Я. Капустин, Б.М. Клименко, А.А. Ковалев, Ю.М. Колосов, М.Н. Копылов, Е.А. Коровин, И.И. Котляров, Э. С. Кривчикова, С.Б. Крылов, В.И. Кузнецов, М.И. Лазарев, Е.Г. Ляхов, И.И. Лукашук, Ю.Н. Малеев, С.А. Калинин, Ю.Я. Михеев, А.П. Мовчан, Л.А. Моджорян, Е.Г. Моисеев, Н.В. Морозов, Р.А. Мюллерсон, Т.И. Нешатаева, В.А. Петровский, В.С. Семенов, Э.И. Скакунов, Б.Р. Тузмухамедов, Г.И. Тункин, Н.А. Ушаков, В.Н. Федоров, О.Н. Хлестов, С.В. Черниченко.

В процессе исследования привлекались также работы Э. Арчага, Д. Брайерли, С. Гишерта, Э.Давида, Т. Дервотта, М. Нордквиста, А. Роберте, Д. Дж. Шеффера, а также ряда других зарубежных авторов.

В работе использованы сравнительно-правовой, логический и другие методы познания.

Источниковедческую базу диссертации составили документы ООН, ОБСЕ, ОАЕ, ЛАГ, НАТО, СНГ и других региональных организаций, законодательство соответствующих государств.

Степень исследованности темы. К проблематике диссертации имеют отношение общие вопросы по обеспечению коллективной и национальной безопасности, исследованных в трудах А.Ф. Андреева, К.А. Бекашева, Х.М. Джантаева, Ю.Д. Ильина, Л.А. Лазутина, И.И. Лукашука, С.А. Малинина, Г.М. Мелкова, С.В. Черниченко и др., а также по политическому и международно-правовому урегулированию конфликтов, разработанных в трудах Л.Н. Анисимова, И.Н. Аршибасова, Б.Г. Бигуаа, С.А. Егорова, В.А. Кременюка, М.М. Лебедевой, Д.Б. Левина и др. И хотя проблематика самопомощи в этих трудах не выделяется особо (кроме права на самооборону), они представляют большую научную ценность для настоящей диссертации в общем плане, особенно труд Э.И. Скакунова «Самооборона в международном праве».

В первые годы после окончания Второй Мировой войны конкретно к данной проблематике активно подключается ряд зарубежных авторов, наиболее известные из которых: Ч.Ч. Хайд (в работе «Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки», т.1, М.: Иностранная литература. 1950), Х. Кельзен (Право Организации Объединенных Наций, Лондон, 1951), С.Х.М. Уолдок (Регулирование использования силы индивидуальными государствами в международном праве // Ресель де кур. Академии международного права, 1952, т.81. Данная работа, хотя и устарела по времени публикации, но принадлежит к числу основных в рассматриваемом вопросе), Д.В. Бовет (Самооборона в международном праве. Лондон, 1958).

Среди отечественных юристов данную проблематику в то время затрагивали также Ф. И. Кожевников, Е.А. Коровин, Г.В. Шармазанашвили, некоторые другие авторы.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она является первым комплексным международно-правовым исследованием проблематики ИВС в современный период.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования являются международно-правовые аспекты отношений, складывающихся по поводу применения государствами вооруженной силы в порядке индивидуальной самопомощи. Предметом данного исследования являются нормы международного права и внутригосударственного права (и соответствующие источники права) по вопросам применения государствами вооруженной силы в порядке индивидуальной самопомощи, а также общие вопросы применения силы в международных отношениях.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Институт ИВС государств является комплексным институтом права международной безопасности и национальной (государственной) безопасности, состоящий из принципов и норм, определяющих право и пределы самостоятельной защиты государством своих коренных интересов посредством применения вооруженной силы в чрезвычайных ситуациях.

2. Объектами защиты (целью) мер ИВС являются жизненно важные интересы субъектов института самопомощи в военной области, национальной безопасности, в сфере их выживания, в экономической области, а также защиты своих соотечественников за рубежом и сохранения своей культуры.

3. Субъектами международного и национального института ИВС выступают государства. Непосредственные меры вооруженной самопомощи могут санкционировать парламенты государств, главы государств и правительств, правительства, главы субъектов федеративных государств (в пределах полномочий, предоставляемых федеральной конституцией).

4. Компетентный государственный орган высшего уровня обязан немедленно, при наличии малейшей возможности, уведомить Совет Безопасности ООН и региональную организацию безопасности о принимаемых мерах ИВС. Совет Безопасности ООН и указанная организация либо выдают мандат государству на продолжение им мер ИВС, либо принимают решение о переходе ситуации в их ведение, либо ограничиваются резолюциями рекомендательного характера.

5. Меры вооруженной самопомощи преследуют только цель устранения непосредственных угроз субъектам института ИВС, носят адресный характер и не направлены против суверенитета, территориальной целостности, политической независимости, культуры, этнической и другой идентичности любых субъектов.

6. Меры ИВС не должны противоречить общепризнанным принципам и общепризнанным нормам международного права, в том числе - нормам международного гуманитарного права.

7. Превентивное применение мер ИВС, в том числе - на иностранной территории и в пределах международной территории общего пользования, должно быть (в последующем) мотивировано и доказано наличием непосредственной и серьезной опасности, угрожающей жизненно важным интересам государства, не оставляющей выбора иных средств и времени на размышление.

8. Международное сообщество государств, в лице ООН, региональных организаций безопасности в любом случае осуществляют, по возможности, контроль на всех стадиях применения мер ИВС.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена и обсуждена на кафедре международного права Московского государственного открытого университета, обсуждена на кафедре международного права Российского университета дружбы народов. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в трех публикациях автора и в ходе проведения семинарских занятий в Московском государственном открытом университете.

Структура работы определяется целями и задачами исследования, которое состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Основное содержание диссертации

ГЛАВА 1 работы посвящена общим теоретическим аспектам мер ИВС в международном праве и открывается параграфом **«Основные понятийные вопросы проблематики индивидуальной вооруженной самопомощи в международном праве»**.

Понимание термина «самопомощь» всегда было неоднозначно. Устав ООН не содержит этого понятия, хотя ряд зарубежных и отечественных авторов обосновывают имплицитную возможность оперировать им в контексте отдельных положений Устава.

В отечественной правовой науке приоритет в использовании понятия «вооруженная самопомощь» принадлежит, по-видимому, Ф. И. Кожевникову, который в 1947 году писал: «...в международной жизни... силой, обеспечивающей соблюдение правил международного общения, выступает, прежде всего (в порядке самопомощи), само государство... вплоть до вооруженной силы». В 1951 году сходную мысль высказал Е.А. Коровин. Попытку научно систематизировать точки зрения по данному вопросу предпринял в 1959 году Г.В. Шармазанавили.¹

В воззрениях этих авторов ИВС выступала аналогом самообороны (хотя и предпринимались попытки провести различие между этими двумя понятиями в контексте общего и особенного). Конкретно, утверждалось, что только все **ответные** действия отдельного государства, предпринимаемые им с целью самозащиты против государства-нарушителя норм международного права, охватываются единым понятием **«самопомощь»** (англ. - selfhelp; нем. - selbsthilfe). Понятие самопомощи с позиций прежнего международного права (до первой мировой войны) означало: 1. преимущественно право отдельного государства использовать

¹ Шармазанавили Г.В. Понятие самопомощи в международном праве // Советский ежегодник международного права 1959. М., Издательство АН СССР. 1960. С. 300-310.

вооруженную силу (т.е. обратиться к войне) в любой момент, когда оно считало, что его интересы и права нарушены; 2. самопомощь признавалась допустимой, если она была либо: а) риторсией, б) законной репрессалией, г) законной интервенцией или д) законным актом самообороны **или самозащиты**.

Превентивный аспект ИВС в те времена активно отстаивался западными учеными. В 1950 году американский юрист Ч.Ч. Хайд настаивал, что самооборона является такой формой самосохранения, которая направлена не только против реального агрессора, но и возможного агрессора, из-за **опасения нападения**. Американский юрист В. Гулд относил **вооруженную агрессию к одной из форм самопомощи**, являющейся, по его мнению, «кардинальной особенностью международного права». Широко известным в конце 1957 г. стал опубликованный в американской печати «доклад Гэйтера», в котором делается вывод о том, что США, возможно, придется отказаться от точки зрения, что не следует начинать войну первыми, поскольку «первое нападение в современной атомной войне будет настолько сильным, что страна, предпринявшая нападение, вероятно, добьется победы». Здесь к ИВС подходят предельно широко: как к защите собственными средствами основных ценностей нации и положения государства в мире.

Аналогично высказывался в 1958 году английский юрист Д.В. Боует, полагая, что государства вправе прибегать к самообороне не только в случае вооруженного нападения на них, но и в случае **грозящей опасности** или необходимости защиты **своих экономических интересов и граждан**, когда они **предположительно** подвергаются опасности в других государствах. Это и есть превентивная самооборона.

Вооруженная агрессия нередко является формой ИВС и, по замыслам агрессора, наиболее эффективной формой. Но международно-противоправной. Точно так же как войны подразделяются на справедливые и агрессивные, так и ИВС (родовое понятие) подразделяется на правомерную и неправомерную.

Меры ИВС всегда тесно связаны с методами превентивной дипломатии. В одних случаях это происходит скрытно, когда превентивная дипломатия теряет качество миротворческого инструмента и используется государством для подготовки вооруженного нападения на другое государство. В других случаях превентивная дипломатия «подкрепляется» развертыванием вооруженных сил в зоне конфликта. В 1993 году в Докладе Б. Бутроса Гали «Повестка дня для мира» позвучала мысль о том, что превентивная дипломатия «вполне может включать упреждающее развертывание специальных вооруженных сил ООН, и, в некоторых случаях, демилитаризацию зон конфликта».² Эта идея, на наш взгляд, опасна тем, что размывает границы собственно превентивной дипломатии как мирного средства, позволяя и агрессору, прикрываясь ширмой ИВС, мотивировать развертывание своих вооруженных сил «упреждающе», сопровождая дипломатические усилия, раз уж сама ООН так широко подходит к определению целей превентивной дипломатии.

В свое время бытовал предельно широкий подход к мерам ИВС (частично он сохранился и сейчас). Ими считалось, кроме прочего, создание военных баз на иностранной территории (в основном, это были базы США), замкнутых военных блоков типа НАТО, СЕАТО, СЕНТО и др.

Требуется уточнения некоторые другие понятийные аспекты, в частности смысловая нагрузка в понятии «вооруженная самопомощь» слова «вооруженная». В одних случаях под этим

² See: *An Agenda For Peace. Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peacekeeping. Report of the Secretary-General, 17 June // SIPRI Yearbook, 1993. P. 68.*

понимаются только регулярные войска государства, осуществляющие меры ИВС. В других - также иррегулярные формирования, включая наемников.

Какое вооружение применяется при мерах ИВС? Должно ли оно быть адекватным вооружению нападавшей стороны (если ситуация связана с вооруженным нападением)? Должно ли в таких случаях применяться только обычное оружие или допустимо использовать ОМУ и другие специальные виды вооружения? Включать ли в понятие «оружие» в данном случае только то оружие, которое непосредственно применяется на поле боя, или же весь сегмент техники, которая, так или иначе, имеет отношение к вооруженным действиям в рамках мобилизационных мероприятий? Как полагает диссертант, виды ИВС государства можно конструировать весьма широко. И до тех пор, пока отсутствует международный договор о порядке ИВС государств, данный вопрос полностью вправе определять государство, осуществляющее эти меры, с учетом, безусловно, общепризнанных принципов и норм международного права, в том числе - норм МШ.

В параграфе 1.2. «**Объект защиты (цели) мер вооруженной самопомощи**» показано, что основными объектами защиты для государств традиционно являются суверенитет, национальная безопасность, территориальная целостность, территориальная неприкосновенность, защита своих граждан, социальные, этнические, религиозные ценности и т.п.

В связи с этим кратко раскрыто понятие суверенитета и вопрос о том, до какой степени следует защищать его с учетом передачи некоторых суверенных прерогатив наднациональным органам типа институтов ЕС. Принципиальная позиция диссертанта: никакие интеграционные механизмы не упраздняют института суверенитета государства и его неотъемлемого права защищать свой суверенитет, кроме прочего, в порядке ИВС.

Диссертант отмечает, что во всем мире в последние годы наблюдается тенденция укрепления государственного суверенитета, кроме прочего и в первую очередь, посредством концепции **государственной (национальной) безопасности** в качестве объекта защиты. При этом выделяют три уровня безопасности: личности, общества и государства; их место и роль динамичны и определяются характером общественных отношений, политическим устройством и степенью внутренних и внешних угроз.

Отмечена история появления и становления понятия «национальная безопасность» в международном праве и показано, что большинство исследователей данной темы (Г. Киссинджер, Дж. Шлессинджер, Г. Моргентау, М. Гальперин, А. Дугин, А. Исмаилов, М. Лаумулин, У. Касенов, Е. Карин и др.) определяют национальную безопасность либо через силу (преобладание мощи над другими государствами), либо с позиции взаимодействия государств (создания оптимальных условий развития всей системы международных отношений).

Наиболее распространенное оформление национальной безопасности как официально принятой системы взглядов и мер по ее содержанию и обеспечению - государственная Концепция. В этой связи внимание уделено Концепции национальной безопасности РФ (в редакции 2000 г).

Конфликты «третьего поколения» (связанные с религиозным фанатизмом, терроризмом, агрессивным национализмом и сепаратизмом) практически всегда посягают на национальную (государственную) безопасность.³

Права и свободы человека - высшая ценность, которую государство обязано признавать, соблюдать и защищать от нарушения (ст. 2, ст. 45, ч. 2 ст. 46 Конституции РФ и др.; Преамбула Концепции национальной безопасности РФ), а ограничение этих прав и свобод государством

³ Мы с пониманием относимся к теориям, согласно которым современный мир стал настолько взаимосвязанным, что национальная безопасность стала частью системы международной безопасности и региональной безопасности (как составной части международной безопасности). И все-таки полагаем необходимым отдельно исследовать институт самозащиты национальной безопасности.

может иметь место только в исключительных случаях. Международно-правовой аспект защиты этого объекта посредством (кроме прочего) ИВС возникает в двух случаях. Первое: права человека начинают настолько «защищаться» в пользу одной этнической группы или класса (как в Кампучии, Руанде), что позволяет квалифицировать такую «самопомощь» государства как геноцид, массовое и грубое нарушение прав человека, государственный терроризм. Второе: в государстве грубо попираются права и свободы граждан иностранного государства и последнее вынуждено в порядке ИВС направлять туда вооруженные силы, чтобы защитить своих граждан.

На вопросе защиты безопасности, в первую очередь, личности все более настаивают представители гражданского общества. Через эту призму они предлагают смотреть и на государственную (национальную) безопасность, о чем можно судить, в частности, по материалам журнала «Безопасность человека сегодня», изданного в Нью-Йорке в 2003 году. И все-таки государственная (национальная) безопасность продолжает быть определяющим объектом охраны в государстве. Диссертантом проанализированы конкретные виды угроз, перечень которых содержится в Концепции национальной безопасности РФ и в Военной доктрине РФ.

В этом перечне первостепенное значение имеет угроза агрессии. Ее определение в Военной Доктрине РФ почти дословно повторяет определение агрессии, которое дала ГА ООН в 1974 году. Соответственно защита от актов агрессии является первостепенным объектом самопомощи государства. (Это не исключает защиты данного объекта и в рамках системы коллективной безопасности или военной помощи со стороны других государств).

В современных условиях на первый план выдвигается также принятие мер ИВС против угрозы терроризма/международного терроризма. Хотя данный аспект, так или иначе, связан с защитой национальной (государственной) безопасности, его приходится выделять в качестве самостоятельного объекта защиты. Меры самопомощи в данном случае сводятся к предотвращению и пресечению акций терроризма, как на своей территории, так и на территориях других государств.⁴

Военный компонент национальной безопасности - один из главных, а иногда и важнейший инструмент в системе обеспечения национальных интересов. Этот компонент в основном сосредоточен на защите от вооруженного нападения (если государство придерживается доктрины ненаступательной обороны). Отсутствие в международном праве определения вооруженного нападения снижает ценность ст. 51. Но в значительной мере данная ситуация упростилась с 1974 года, когда ГА ООН утвердила определение понятия агрессии.

Не всякое применение вооруженной силы государством первым, в соответствии со ст. 2 Определения, должно квалифицироваться Советом Безопасности как акт агрессии. Из этого многими исследователями делается обоснованный вывод о том, что ссылки на самооборону в международной практике государств не являются единственными в оправдание использования ими вооруженной силы в международных отношениях. Это позволяет трактовать и п.4 ст. 2 Устава ООН как содержащий не абсолютный запрет на применение вооруженной силы или угрозы ею, а лишь обязательство «воздерживаться» от такого применения. Соответственно, такое воздержание имеет свои пределы, что особенно важно для принятия мер ИВС.

Как бы подтверждает этот тезис положение ст. 33 Проекта об основаниях международной ответственности государств, подготовленного Комиссией международного права, которое допускает в исключительных случаях, когда крайней опасности подвергаются «существенные

⁴ См.: Предотвращению и пресечению терроризма – адекватную международно-правовую основу // Московский журнал международного права. 3/2000/39. С. 404-414; Прокофьев Н.В. К вопросу о борьбе с международным терроризмом на территории иностранных государств // Московский журнал международного права. 1/2003/49. С. 40-60.

интересы» государства, избрать поведение, не соответствующее его международному обязательству. (По сути это - известный институт дерогации).

Параграф 1.3. работы назван **«Субъекты, уполномоченные принимать меры вооруженной самопомощи»**.

Решение о применении мер ИВС принимают уполномоченные лица и органы государства. Важно четко определить их связь (или отсутствие такой связи) с действиями самого государства. Что касается собственно государственного (федерального) органа, то в любом случае его действие или бездействие будет означать действие или бездействие государства в целом. (За исключением действий официальных лиц с превышением своих полномочий или злоупотребления ими).

В таких случаях принято оперировать термином «мандат». Особенно острый характер приобретает проблема мандата в связи с применением мер ИВС на территории иностранного государства без согласия последнего (подавление лагерей террористов, к примеру) и без мандата ООН или региональной организации.

Исключительно важное значение имеет также вопрос о том, в какой мере **субъект федерации** может (и может ли) принимать меры ИВС без согласования их с Центром. Что касается РФ, то Федерация в целом обладает всей полнотой власти на своей территории. Никакая другая власть на территории России не вправе присвоить себе функции верховной суверенной власти на части ее, что вытекает из ч.1 ст. 4 Конституции РФ («суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию»). Очень редко в других государствах субъекты федерации в конституционном федеральном порядке располагают правом на ИВС. Это если и есть, то, по мнению диссертанта, говорит просто о слабости федерации.

Иногда утверждается, что в области прав человека самозащитные меры вообще должны перейти от государства к гражданскому обществу в лице общественных организаций. Какова должна быть ответственность государства регистрации таких организаций (если они вообще регистрируются) или места их (их подразделений) постоянного пребывания? Вопрос требует решения.

Довольно часто государства отказываются от самопомощи при борьбе с угрозой экстремизма и сепаратизма, полностью ориентируясь на иностранную помощь. Это демонстрирует реальное действие обычного права государства - права отказа от ИВС собственными силами.

В целом же, в государстве принятие решения о мерах ИВС могут правомерно исходить от значительного числа субъектов: государства как такового, главы государства, парламента, высших государственных органов субъектов федерации в пределах их полномочий.

Что касается перехода такой функции к гражданскому обществу, то мы скептически относимся к этой идее, которая была бы реальна только при исчезновении института государственности, что на ближайшую историческую перспективу представляется невероятным.

В Главе 2 исследуются Международно-правовые и национально-правовые основания применения мер вооруженной самопомощи, в частности современный международный политический и правовой базис сохранения института вооруженной самопомощи государств.

Обычно меры ИВС связывают с самообороной. Современная правовая мысль сконцентрирована в этом плане на сопоставлении таких концепций как «наступательная оборона» и «ненаступательная оборона». При этом отмечается, что многостороннее взаимодействие носит неустойчивый характер, и **вооруженные силы как источник мощи** по-прежнему играют роль важного средства политики, а сдерживание путем устрашения и новые виды технологии еще долго

будут принципиальной основой сохранения доктрин, предусматривающих способность вести **боевые действия в глубине территории агрессора.**⁵

Зарубежные исследователи данной проблемы оставляют для ИВС государств значительное, если не основное, место (не отрицая частичного процесса военной интеграции, коллективной безопасности, происходящего в мире, и показывая, что этот процесс только усиливает философию ИВС со стороны «не интегрированных» членов мирового сообщества).

Даже авторы, поддерживающие идеи ненаступательной обороны, вынуждены констатировать, что пока слишком рано говорить о том, что военная сила перестала быть инструментом внешней политики, и что теоретическое и политическое обсуждение исключительно оборонительной стратегии пока сосредоточено, главным образом, **на вооруженных силах отдельного государства** или, в лучшем случае, - на двусторонних военных отношениях. Связаны этому и мысли о том, что конфликты и **применение военной мощи являются неотъемлемыми компонентами прогресса** и истории человечества, а «чувствительность» к концепции национального суверенитета способствовала формированию модели *национальной* безопасности, которая неизбежно содержит в себе признаки обеспечения безопасности за счет безопасности другой суверенной страны, а также агрессивности. Безопасность, делается вывод, приобрела характер соперничества, конфронтации и конфликта.

Международное право в настоящее время, во многом под влиянием глобализации, уже не исключительно межгосударственный правопорядок, а правопорядок, который трансформируется, по меньшей мере, частично, в «мировое право» или «внутримировое право», которое охватывает как государства, так и правительственные и неправительственные организации и иные негосударственные корпорации, а также физических лиц и иные группы лиц.

С этих позиций институт ИВС как бы не отрицает самостоятельного принятия мер самопомощи неправительственными организациями, физическими и другими группами лиц. Но трудно предположить, чтобы в международных отношениях (не затрагивая в данном случае внутригосударственные) признавалась такая практика, когда бы указанные организации и лица принимали «меры самопомощи», в том числе - через границу и на иностранной территории, параллельно с мерами ИВС государства или даже без них и вопреки им.

С другой стороны, продолжает обсуждаться концепция мирового права (World Law, Weltinnenrecht) и мировой политики или мирового внутреннего права (World Politics, Weltinnenpolitik), которая, на взгляд диссертанта, способствуют мышлению в духе жесткой централизации принятия решений по вопросам безопасности. Существование этих категорий предполагает наличие некоего всеобщего образования (мирового государства). Однако такого мирового государства, высшей власти не существует, и его существование многими специалистами оценивается как нежелательное.

Но самое главное - межгосударственные противоречия сохраняются, а в последнее время имеют тенденцию к обострению, притом в ситуации наращивания в мире ОМУ. Это не только противоречия между бедными и богатыми государствами, но и между высокоразвитыми странами, иницирующими процесс глобализации в своих интересах, не особенно обращая внимание на возрастание при этом силового начала в международных отношениях.

Наиболее проблемными (и теоретически интересными) являются все более многочисленные ситуации, когда сторона (государство), создающая соответствующую угрозу иностранному государству, и это иностранное государство - оба убеждены, что действуют

⁵ Коматина М. Военная доктрина: Как ее определить // РАЗОРУЖЕНИЕ. Том XV Номер 4. ООН, Нью-Йорк. 1992. С.111-124.

правомерно в рамках института ИВС (не обязательно оперируя таким языком). Возможно ли в этих условиях построить общую модель мер самопомощи, куда включались бы обе конфликтующие стороны? Этот вопрос обостряется в кризисной ситуации, когда конфликтующие стороны уже ввязались в вооруженное столкновение при остром дефиците времени на обдумывание ситуации.⁶

Конгресс США 15 сентября 1999 года отклонил Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний, представленный на ратификацию президентом Б. Клинтонем. Это также укладывается в рамки идеологии ИВС. В таком же качестве выступал и Президент США, утверждая Военную Доктрину США, в которой Россия и Китай отнесены к числу государств, по которым, при определенных условиях, может быть нанесен «превентивный ядерный удар».

Это идеология ИВС в чистом виде, исключая не то что мандат, но и предварительную консультацию с СБ ООН (ибо невозможно представить ситуацию, когда бы СБ оправдал агрессию с нанесением ядерного удара). Соответственно, РФ и Китай вправе планировать собственные меры стратегической ИВС, с учетом указанных запланированных мер США. То, что они пока что с обеих сторон остаются на бумаге, не меняет их главной характеристики: концептуальное моделирование в обход СБ ООН и региональных организаций безопасности.

Субъекты федеративных государств также являются субъектами (вторичными) института самопомощи. Отдельные случаи с их стороны, связанные с применением мер вооруженной самопомощи с целью выйти из состава федерации, обрести независимость на основе принципа самоопределения требуют оценки. Конституционная противоправность подобных действий - само собой разумеющееся. Но большее значение имеет выявление международной противоправности указанных сепаратистских действий субъектов федераций. В этом плане диссертант ссылается на конкретные документы европейского процесса и другие.

Особая ситуация, как в Ираке, складывается, когда подавляющая часть населения страны, в порядке самопомощи, ведет вооруженную борьбу против оккупантов - войск анти иракской коалиции. Возглавляют эту борьбу определенные лидеры и организации, не относящиеся к государственным структурам. Государство Ирак как таковое (если иметь в виду его последнее правительство) устранено (или самоустранилось) от этой борьбы. Но в принципе, следует признать эту борьбу законной, закономерной, исключая, разумеется, некоторые средневековые методы ее ведения (захват и уничтожение заложников, в частности), противоречащие не просто международному гуманитарному праву, а элементарным понятиям о человечности.

В параграфе 2.2. раскрывается **Национально-правовой базис вооруженной самопомощи государств**. ИВС государств исторически имеет национально-правовое основание, сохранившееся и сегодня в той мере, в какой государство не связано нормами международного права или даже если связано, но вынужденно нарушает свои международные обязательства, действуя в порядке дерогации, либо применяет меры ИВС (в чрезвычайной ситуации) параллельно с мерами, предусмотренными в системе коллективной безопасности.

Агрессия (планируемая агрессия) против государства всегда требует повышенного внимания. Важно определить какие именно силы вторглись на территорию государства. Если это регулярные формирования, то принимаемые меры ИВС (самообороны) будут направлены против государства-агрессора. Если нерегулярные - против непосредственных исполнителей. Подобный подход отстаивают многие юристы. Диссертант поддерживает такой подход.

⁶ См.: Хохлышева О.О. Международно-правовые проблемы силового миротворчества ООН и возможные варианты их решения. Н. Новгород, 2000. С. 49, 51.

Сохраняется проблема определения **непосредственной** угрозы агрессии. Оно не дано в международном праве. Во внутригосударственном праве этот вопрос также остается, в целом, вне правового регулирования. Хотя именно здесь действия государства, намеревающегося совершить вооруженное нападение на другое государство, переходят грань просто «угрозы» (потенциальной угрозы) и создают острую предконфликтную ситуацию.

У отдельных государств могут быть специфические угрозы и потребности в ИВС. Например, для России сохраняется необходимость противостоять собственной дезинтеграции, что отмечается аналитиками в публикациях последнего времени. Добиваться этого некоторые западные политики рассчитывают за счет особых отношений с субъектами РФ. Естественно, федеральный Центр будет противостоять этому, если надо - то и мерами ИВС.

Поскольку ИВС направлена, в основном, на защиту безопасности страны, в работе анализируется это понятие в контексте Закона РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности», Концепции национальной безопасности РФ, составной частью которой является Военная доктрина РФ.

По убеждению диссертанта, даже при наличии двусторонних или многосторонних договоров в военной области и конституционных статей типа части 4 Статьи 15 Конституции РФ, первично внутригосударственное право в том, что касается защиты национальной (государственной) безопасности. Международное право в этом плане не устанавливает для государств каких-то общих обязательных правил (стандартов) поведения.

Весьма важен вопрос о полномочиях высших органов государственной власти РФ по применению ядерного оружия и других видов ОМУ. Закон «Об обороне» не предусматривает такого полномочия главы РФ. Но считается, что такое полномочие (исключительного характера), тем не менее, у него есть. В этом плане законодательство РФ требует дополнения, в том числе в отношении процедуры передачи Президентом своих полномочий по применению ядерного оружия и других видов ОМУ преемникам.

Естественно, что ядерное оружие и другие виды ОМУ не могут применяться для подавления внутренних беспорядков, для чего должны использоваться, прежде всего, специально для этого предназначенные войска МВД России.

В РФ отсутствует единый закон, определяющий порядок привлечения с использованием оружия ВС РФ, иных войск, воинских формирований и органов **не по их предназначению**. Это, по мнению специалистов, создает возможность для келейного решения указанных вопросов, распоряжения военной силой как собственной, без оглядки на какие-либо государственные органы, общественность, международно - правовые акты.

Возможно, такая оценка излишне категорична: в современных российских условиях ничего иного пока что и не могло сложиться в данном вопросе. И дело тут не в возможной инерции управления военным комплексом в духе традиций советского периода, хотя и это в определенной мере имеет место. Важнее другое: особенности принятия мер ИВС в чрезвычайных ситуациях требуют оперативных решений, которые были бы невозможны в условиях демократизации данной сферы управления.

Иное дело - принятие решений по стратегическим вопросам национальной безопасности. Здесь, несомненно, необходим коллективный разум, по крайней мере, в виде двухпалатного парламентского механизма. Только в этом плане указанный закон был бы полезен.

Параграф 2.3. «Соответствие мер индивидуальной вооруженной самопомощи общепризнанным принципам и нормам международного права». Изначально предполагается, что рассматриваемые меры самопомощи не могут противоречить общепризнанным принципам и нормам международного права (ОПМП). Вместе с тем, в данном вопросе есть целый ряд аспектов, требующих специальной оценки.

Сам термин «общепризнанные принципы международного права» требует кодификации, поскольку отсутствует единообразие в их перечне и содержании. Это важно подчеркнуть, поскольку институт ИВС имеет специфическую связь с каждым конкретным ОПМП.

В целом же важно отметить, что государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им ОПМП, как это имеет место и с договором (ст.27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969г.). В отношении именно ОПМП это правило (в отличие от договоров) формально не закреплено в Венской конвенции 1969 г., но поскольку ОПМП - это нормы *jus cogens*, и международные договоры не могут противоречить им. Следовательно, ОПМП определяют общий международный право - порядок и не могут квалифицироваться иначе, как обязательные к исполнению государствами (и другими субъектами международного и внутрисоциального права) на всем земном шаре. Но это вовсе не означает, что государство тем самым попало в заколдованный круг международных норм и все, что не делает, является не самопомощью, а реализацией международно-правовых, коллективных по своей природе, предписаний.

Наоборот, самопомощь - первое средство, к которому прибегает государство **в любой ситуации**, угрожающей его интересам. Должно пройти некоторое время, прежде чем соответствующие уполномоченные органы и лица разберутся и примут решение о том, продолжать ли действовать на основе самопомощи, или включить механизм международных договорных норм (если таковые имеются) или прибегнуть к помощи других государств и при отсутствии таких норм. Вообще в данном случае оказывается научно и практически востребованной категория «внутригосударственная сфера» как позволяющая применять правовые нормы в отношении всех лиц, как находящихся в пределах территории конкретного государства, так и под его юрисдикцией вне его территории.

Поскольку в соответствии с ч4 ст.15 Конституции РФ ОПМП, наряду с общепризнанными нормами международного права и международными договорами РФ являются составной частью ее правовой системы, РФ, применяя указанные ОПМП в порядке ИВС, формально применяет нормы собственной правовой системы, что не означает превращения международного права в отрасль национального права.

Глава 3 работы «Международно-правовые и национально-правовые условия осуществления вооруженных мер самопомощи» открывается параграфом **«Пределы применения вооруженной силы при осуществлении мер самопомощи»**. Еще в 50-х годах сложилось мнение, согласно которому отдельное государство, прибегая к принуждению в порядке самопомощи, может предпринять в каждом конкретном случае нарушения его прав другим государством ответные действия, в пределах и формах, установленных международным правом.

Выделение диссертантом слова «ответные» имеет глубокий смысл, поскольку здесь фактически самозащита уравнивается с правом на самооборону, понимаемую как ответ жертвы агрессии на совершенное против нее вооруженное нападение.

В этом ключе (ответных действий) всегда трактовался и трактуется до сих пор большинством отечественных юристов право на самооборону в контексте ст. 51 Устава ООН. Можно, кроме того, выделить здесь следующие особенные позиции: принцип ненападения действует в отношении между государствами на правах взаимности; применение силы со стороны жертвы агрессии в порядке самопомощи (без специальных полномочий со стороны Совета Безопасности) является правомерной реакцией жертвы агрессии и ни в коем случае не может быть квалифицирован как нарушение п. 4 ст. 2 Устава ООН; указанная разновидность самопомощи, самооборона, допустима только до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для

поддержания международного мира и безопасности; поскольку ст. 51 Устава ООН не содержит термина «агрессия», а использует более узкое понятие «вооруженное нападение», то «угроза» нападения или любой акт агрессии, который не является нападением, включающим использование вооруженной силы, не оправдывает применения силы в осуществлении права, установленного ст. 51».⁷

В прежние времена, при отсутствии столь разрушительных средств массового уничтожения (ОМУ), как сегодня, в определенной мере можно было дожидаться, пока нападут на твою территорию и предпринимать ответные действия. Сегодня ситуация кардинально иная. Даже в отношении вооруженных действий в ситуации национально-освободительной войны не следует по инерции продолжать обосновывать их как изъятие из принципа воздержания от применения силы, кроме прочего, потому, что это, якобы, всегда силовая реализации права, вытекающего **из принципа самоопределения народов**, т.е. в ситуации самопомощи.

С этим диссертант категорически не согласен. Сегодня «самоопределение» в абсолютном большинстве случаев - не то самоопределение колониальных и зависимых народов, с которым имело дело мировое сообщество и отдельные государства когда-то. Сегодня это сепаратизм, в большинстве случаев сопряженный с крайними формами терроризма.

Наибольшую значимость имеет институт ИВС в контексте ст. 51 Устава ООН. И представляется необходимым определить, что понимать под термином «вооруженное нападение».

Нормативного определения этого термина в современном международном праве не существует. К такому выводу, в частности, пришел Международный Суд ООН в решении по делу «Никарагуа против США» от 27 июня 1986 года. Но Суд установил некоторые признаки вооруженного нападения, повторив, по сути, ст. 3 п. «g» Определения агрессии (резолюция 3314 ГА ООН от 14 декабря 1974 года). Таким образом, Определение агрессии 1974 года - единственный на сегодняшний день документ, хотя и не договорный, но устанавливающий ориентиры, с помощью которых можно отграничить вооруженное нападение от иных видов вооруженных посягательств.

Жертва предполагаемого вооруженного нападения в определенных пределах имеет возможность действовать по своему усмотрению (т.е. в порядке самопомощи, самообороны - С.Г.). Отсюда чрезвычайно высока цена квалификации конкретной ситуации в качестве вооруженного нападения, агрессии (а не просто пограничного инцидента, вылазки террористов, вооруженного прорыва через границу наркоторговцев и т.п.). **США**, например, полагают, что в каждом случае в одностороннем порядке сами вправе решать вопрос о факте совершения на них вооруженного нападения и, как следствие, появлению у США права на самооборону. Некоторые юристы считают, что такой подход может, по сути, лишить смысла принцип воздержания от применения силы и создавать условия для «легализации **произвола под предлогом самообороны**».⁸ Действительно, такая опасность существует. Но этот тот случай, когда правильная по своей сути норма (концепция, доктрина и т.п.) используется в неправомерных целях. Придавать этому серьезное значения в теоретическом плане не следует.

Поскольку самооборона понимается ныне Соединенными Штатами расширительно, включая и потенциальную угрозу, действия в порядке самообороны вновь подвергаются уточнению. Итальянский юрист-международник А. Кассезе в этой связи выделяет пять критериев, которым обязательно должна отвечать самооборона. Диссертант представляет в связи с этим свои подробные замечания.

⁷ Kelsen H. *The Law of the United Nations*. London, 1951. P. 797-798.

⁸ Черныченко С.В. *Теория международного права*. М., НИМП. 1999. Т. 1. С. 452, 457.

Традиционно считается наиболее важным, чтобы законной (правомерной) самообороне **предшествовало вооруженное нападение.**

Но, строго говоря, в Уставе ООН не говорится, что право на самооборону возникает, если вооруженное нападение уже имело место, на что правильно обращают внимание Р.А. Мюллерсон и Д.Дж. Шеффер.⁹ Момент начала вооруженного нападения - вообще сравнительно отдельная тема. Включает ли это понятие в смысле ст. 51 только переход границы, либо также подготовку, развертывание и другие его начальные стадии? Принимать ли при определении начала вооруженного нападения в расчет характеристики современных наступательных вооружений, а также географические и иные факторы?

Но самым проблемным остается вопрос о правомерности превентивного нападения. На первый взгляд, права Э.С. Кривчикова, когда пишет: «... При наличии одной лишь угрозы вооруженного нападения, а также со ссылками на угрозу жизни граждан за рубежом, освобождение заложников, защиту жизненных интересов и тому подобные мотивы, право на самооборону не подлежит применению».¹⁰ Но что-то делать надо в плане противодействия указанным угрозам. Иначе получается чуть ли не соучастие в преступлении против личности путем воздержания от превентивных действий, хотя такие действия могли быть эффективно приняты и жизни людей спасены.

Самооборона не связана с военными или вооруженными **репрессалиями**, которые формально запрещены в международных отношениях, но на практике применяются постоянно, как и **реторсии**. Диссертант отмечает это как реальный факт международной жизни, имеющий непосредственное отношение к ИВС.

Борьба с международным **терроризмом** на иностранной территории, которая зачастую носит характер обычных реторсий, относится к числу «легализованных» видов самопомощи, с которой никто всерьез уже не спорит. «Остается лишь прояснить,- пишет Н.В. Прокофьев,- имеет ли право государство-жертва при самообороне осуществлять военные операции не только против вторгшихся на его территорию иррегулярных вооруженных формирований, но также и против непосредственно пославшего их государства, то есть осуществлять операции через границу?».¹¹ (Подчеркнуто мною - С.Г.).

Взгляды на данную проблему расходятся. Но право такое потерпевшее государство, несомненно, имеет. Право на реторсию как вид ИВС.

Сегодня в доктрине международного права по данному вопросу отмечается чрезвычайная разноречивость, как в любой переходный период. Тот же Н.В. Прокофьев, с одной стороны, пишет, что государство-жертва косвенной агрессии вправе нанести удары по лагерям на территории агрессора, **где проходят подготовку иррегулярные формирования, по складам вооружения и т.д.** и что, с помощью своих войск, вправе вторгнуться на территорию агрессора и перерезать пути снабжения иррегулярных формирований. С другой стороны, отмечает, что подобное утверждение представляется не вполне корректным, исходя из действующего международного права. Далее соглашается, что оно, однако, не лишено определенной логики. Затем снова колебания: «Но однозначно говорить о возможности военных операций через границу **не представляется возможным в контексте императивных норм международного права**, а

⁹ Мюллерсон Р.А., Шеффер Д. Дж. Правовое регулирование применения силы // Вне конфронтации. Международное право в период холодной войны. Сб. статей. М., 1996. С. 129-130.

¹⁰ См.: Кодекс основных прав и обязанностей государств (проект) // Московский журнал международного права. 1996. № 4. С. 181.

¹¹ Прокофьев Н.В. К вопросу о борьбе с международным терроризмом на территориях иностранных государств // МЖМП 1/2003/49 С. 40-60.

также иных норм Устава ООН». А в заключение вновь отмечает: «...хотя, казалось бы, **доктрина международного права не отрицает такую возможность**».

Вообще многие юристы - международники полагают, что государство-жертва вправе направлять свои иррегулярные формирования на территорию государства-агрессора, но при этом подчеркивают, что действия таких формирований в данном случае могут быть направлены только против лагерей на территории агрессора, где проходят подготовку иррегулярные формирования, по складам вооружения и т.п., могут перерезать пути снабжения иррегулярных формирований агрессора.¹²

Нанесение в 1993 году США **ракетного удара по Багдаду** в связи с попыткой иракских властей организовать террористический акт против экс-президента Дж. Буша как раз относится к таким примерам. Немаловажно, что тогда **Россия** заявила, что «...действия США являются оправданными, поскольку вытекают из права государства на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН».¹³

А в 1996 и 1998 годах оценка Россией израильской операции «Гроздь гнева» и американских ракетных ударов по лагерям террористов на территории Афганистана и Судана была иной. Россия осудила подобную практику как дестабилизирующую.

Некоторыми государствами концепция гуманитарной интервенции поддерживается уже открыто. Применяя свои вооруженные силы на территориях других государств они ссылаются, в частности, на необходимость защиты человеческой жизни, чести и достоинства. **СВ. Черниченко**, приводя в пример ситуацию в Конго летом 1997 года, пишет, что в случае серьезных беспорядков в государстве, особенно безвластия, «использование **вооруженных сил для эвакуации своих граждан (и граждан других государств)** считается правоммерным».¹⁴

Формально, в данной ситуации противоправность исключается лишь в случае, если принудительные меры в отношении другого государства осуществляются по решению Совета Безопасности в соответствии с п. 7 ст. 2 Устава ООН.

В доктрине международного права по данному вопросу сложилась уже специальное направление. Кроме упоминавшихся работ В.А. Карташкина и СВ. Черниченко, в диссертации указаны также работы Р.Б. Лиллика, выделившего критерии гуманитарной интервенции.

Значительной спецификой обладает самооборона от косвенной агрессии или от предполагаемой угрозы нападения.

В деле «**Никарагуа против США**» Международный Суд ООН двенадцатью голосами против трех постановил, что «отвергает довод о коллективной самообороне, выдвигаемый США в связи с действиями военного и полувоенного характера в Никарагуа и против Никарагуа, являющихся предметом этого дела».¹⁵ Анализируя нормы обычного права, касающиеся запрета вмешательства во внутренние дела других стран, Суд отметил, что в современном международном праве (как обычном, так и конвенционном) государства не имеют права «на коллективный вооруженный ответ против актов, которые **не представляли собой вооруженного нападения**».

Напрашивается аналог: тем более отсутствует такое право на индивидуальный ответ в порядке самообороны. Аналог закономерный. Но реалии нового времени заставляют срочно искать ответ на вопрос о том, какие действия возможно применить при очевидной **вероятности вооруженного нападения или террористической акции**.

¹² См.: Скажунов Э.И. Указ. соч. С. 111-113.

¹³ Дипломатический вестник. МИД России. 1993. № 13-14. С. 40.

¹⁴ См.: Черниченко С.В. Там же. С. 471.

¹⁵ Доклад Международного Суда 1 августа 1985 г. - 31 июля 1986 г. ГА. Офф. отчеты. 41 сессия. Доп. 4. (A/41/4). ООН. Нью-Йорк, 1986. С. 7.

В попытках уйти от возрождающегося института ИВС ученые извлекают на свет также «осужденный» институт превентивной самообороны, ошибочно полагая, видимо, что это меньшее зло и не замечая, что это и есть проявление института ИВС. Р.А. Мюллерсон и Д.Дж. Шеффер разумно отмечают, что на государство, применяющее вооруженную силу в предвидении неминуемого вооруженного нападения со стороны другого государства, «ложится тяжелое бремя доказывания необходимости своих акций, и оно должно предъявить эти доказательства Совету Безопасности немедленно. Любое государство, ссылающееся на право превентивной самообороны, должно нести ответственность за свои действия».¹⁶ Все это так. Но важен сам факт признания данными авторами правомерности превентивной самообороны (доказательство своей правоты государствами - отдельный этап). Т.е. здесь четко провозглашается право на ИВС.

В свете провозглашенной 20 сентября 2002 года «**Стратегии национальной безопасности США**», в которой вводится понятие «превентивного удара», подобные мысли ученых оказываются как нельзя ко времени. (Российская Военная доктрина в редакции 2003 года и 2004 года также оперирует этим понятием).

В указанной новой «Стратегии национальной безопасности» особо подчеркивается, что администрация США намерена «использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства» для того, чтобы **«идентифицировать и уничтожить террористическую угрозу до того, как она достигнет государственных границ,...не останавливаясь в случае необходимости перед действиями в одиночку»**. ИВС можно считать официально провозглашенной военной доктриной США. Абсолютное большинство других государств, на взгляд диссертанта, полностью разделяют эту доктрину, выжидая время, когда об этом разумно будет провозгласить официально.

Характерно, что Международный Суд ООН в деле о тегеранских заложниках, отказавшись от рассмотрения вопроса о правомерности военной операции по освобождению заложников, признал, что государство может применить силу с целью освобождения своих граждан, чья жизнь подверглась опасности на территории другого государства, местные власти которого либо не желали, либо не были в состоянии защитить их. Это, как полагает диссертант, - самое авторитетное признание права государства на ИВС.

ИВС в современных условиях выходит за рамки отношений «государство-государство». Именно в русле самопомощи следует трактовать, например, индивидуальную борьбу США с Аль-Каидой, на что обращает внимание Т.М. Фрэнк в своей статье «Терроризм и право на самооборону», вышедшей вскоре после событий 11 сентября.¹⁷

Новым моментом является также борьба с режимом, применение против него вооруженной силы. Когда 7 октября 2001 года США начали военные действия на территории Афганистана против **режима талибов**, СБ ООН в своей резолюции 1368 СБ ООН **подтвердил право государств на самооборону** в свете опасности международного терроризма, а в резолюции 1378 признал, что угроза терроризма исходила с территории, контролируемой движением Талибан. Дипломатические тонкости не позволили членам СБ ООН назвать вещи своими именами и выступить с оправданием вооруженных акций на иностранной территории. Но суть здесь именно в этом.

Вполне возможно, что действия ограниченного контингента вооруженных сил государства в целях защиты своих граждан, оказавшихся заложниками на территории другого государства, и при наличии неминуемой угрозы их жизни могут оказаться единственным эффективным средством этой защиты. И в свете сопутствующих обстоятельств, включая также тот факт, что

¹⁶ Мюллерсон Р.А., Шеффер Д.Дж. Правовое регулирование применения силы. С. 130.

¹⁷ Franck Thomas M. Terrorism and the Right of Self-Defense. American Journal of International Law. Vol. 95. October 2001. P. 840.

последствия таких действий не носят достаточно серьезного характера, они могут избежать квалификации Советом Безопасности в качестве акта агрессии.

Сегодня, как отмечалось, встает вопрос о применении для борьбы с терроризмом и в целях гуманитарной интервенции вооруженных сил одного государства на территории другого государства без согласия последнего. Следует исходить из того, что в рамках действия в чрезвычайных обстоятельствах и доктрины дерогации, необходимо, по крайней мере, в настоящее время признать вынужденность и оправданность таких действий, если они отвечают определенным условиям и могут считаться правомерными.

Параграф 3.2. «Особенности применения внутригосударственных вооруженных мер самопомощи».

Все большее внимание в международной политике и в международном праве привлекают вопросы применения вооруженных сил для подавления различного рода восстаний, мятежей и т.п. внутри государства.

В последние десятилетия отмечается значительное преобладание внутригосударственных конфликтов такого рода по сравнению с межгосударственными конфликтами. Но поскольку ни один из так называемых «внутригосударственных» конфликтов, вплетающихся в сложную систему международного мира и безопасности, сегодня не остается вне поля зрения ООН и региональных организаций, политические и международно-правовые аспекты их становятся объектом пристального исследования.¹⁸

В Военной доктрине РФ определена роль ВС РФ, кроме прочего, для «защиты от антиконституционных действий, противоправного вооруженного насилия, угрожающих целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации», а также для «выполнения других задач», но только «в соответствии с федеральным законодательством» (п. 13 Доктрины).

Данная проблема (ее можно отнести к вопросу использования вооруженных сил не по назначению), наиболее актуальна для РФ, в которой уже много лет, на Северном Кавказе, не утихают процессы национализма и религиозной экспансии, сопровождающиеся актами терроризма и вооруженными столкновениями и применением ВС РФ при сомнительном правовом обосновании.

РФ (в отличие, например, от стран Средней Азии) ни у кого не просит помощи в данной ситуации и постоянно подчеркивает, что урегулирование подобных вопросов является ее внутренним делом, и соответствующие действия ВС РФ относятся к действиям в порядке ИВС. Однако за этим внешне безупречным постулатом скрываются острые споры среди российских (не говоря об иностранных) политиков и юристов относительно правомерности такой укоренившейся практики, когда ВС РФ уже применялись на территории нескольких субъектов РФ.

Формальное обоснование здесь известно: для наведения конституционного порядка, защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения территориальной целостности страны. Но вот некоторые специальные аспекты данной проблематики.

Вопросом законности применения ВС РФ на территории РФ вынужден был в 1995 году заняться Конституционный Суд РФ. Здесь уполномоченные представители Совета Федерации (важен факт, что именно Совет Федерации инициировал данное дело в Конституционном суде) оспаривали Указы Президента РФ от 30 ноября 1994 года №2137 и от 9 декабря 1994 года № 2166 и постановление Правительства РФ от 9 декабря 1994 года № 1360. Мотивация такова: данные

¹⁸ См.: Джантаев Х.М. Международно-правовые вопросы выполнения федеральными органами исполнительной власти международных договоров Российской Федерации в военной области. Автореф. дисс. канд. юр. наук. М, РУДН, 2003.

правовые акты санкционировали неправомерное применение ВС РФ на территории РФ вне рамок режима чрезвычайного положения или военного положения, без введения которых это недопустимо. В запросе Совета Федерации указывалось на введенные связи с этим незаконные массовые ограничения и нарушения конституционных прав и свобод российских граждан и оспаривалось полномочие Президента РФ поручить Правительству РФ применение особых мер, включая использование ВС РФ, для защиты в соответствии со статьями 80 и 82 Конституции РФ основ конституционного строя, суверенитета и государственной целостности.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении определил, что из Конституции РФ не следует, что обеспечение государственной целостности и конституционного порядка в экстраординарных ситуациях может быть осуществлено **исключительно** путем введения чрезвычайного положения или военного положения, и в п.6 мотивировочной части Постановления рекомендовал законодателю этот пробел восполнить. Пока что этого не сделано. Сложилась ситуация, когда согласно пункту «г» части 1 статьи 102 Конституции РФ к исключительному ведению Совета Федерации относится решение вопроса о возможности использования ВС РФ за пределами ее территории, но на территории собственной страны порядок их использования не урегулирован.¹⁹ Хотя, по логике вещей, в решении последнего вопроса Совет Федерации должен обладать приоритетными и в первую очередь конституционно регулируемыми полномочиями.

В диссертации приведен иностранный опыт по аналогичным вопросам и как пример для подражания расценивается весьма подробное регулирование в законодательстве США вопрос об использовании вооруженных сил США внутри страны.²⁰

Параграф 3.3. «**Международный контроль за осуществлением мер самопомощи**».

То, что международный (и национальный) контроль в исследуемой нами области крайне необходим - вне сомнения. В противном случае то, что можно сегодня назвать актами ИВС, завтра во многих случаях окажется заурядной агрессией, если иметь в виду внешний аспект, и геноцидом в отношении собственного населения, если иметь в виду внутренний аспект (как это и было в Кампучии, Руанде).

Как полагает диссертант, такой контроль необходим, с учетом возрастания стремления государств к обеспечению своей национальной безопасности средствами ИВС, независимо от того, уведомит ли какое-либо государство ООН или региональную организацию о принятии таких мер. При этом, на наш взгляд, все равно, от какого государства поступит такое сообщение - не обязательно от предпринявшего меры ИВС или от обороняющегося, или от третьего государства. Слишком велика возможная угроза безопасности личности, государства, всеобщему миру и безопасности, чтобы обращать на эти детали внимание.

Жертва предполагаемого вооруженного нападения в настоящее время обладает **дискреционными полномочиями** относительно уведомления о факте нападения на нее. Фактически единственным на настоящий момент нормативным способом поставить в некоторые рамки эти дискреционные полномочия является обязательство по ст. 51 Устава ООН **немедленно поставить СБ ООН в известность** относительно мер, принимаемых **в ответ** на вооруженное

¹⁹ См.: Казанчев Ю.Д. Правовое регулирование оснований и порядка применения Вооруженных Сил Российской Федерации / Материалы «круглого стола» Военное право – состояние в перспективе развития // Государство и право. 1994. № 8-9. С. 10.

²⁰ См.: Печуров С.Л. Вооруженные силы США в решении внутрисостоятельных проблем // Военная мысль. 1995. № 1. С. 76.

нападение. Эта формула была также развита и подтверждена в решении Международного Суда по делу «Никарагуа против США».

Но если эти меры жертвой нападения не принимаются, независимо по каким причинам? Или если соответствующие меры носят превентивный характер, а не в ответ на вооруженное нападение? И почему нападающая сторона не должна немедленно не поставить СБ ООН в известность относительно своих действий?

Полномочия СБ расследовать спор или ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности, как говорится в ст. 34 Устава ООН, конечно, важны. Но для того, чтобы эти полномочия вступили в действие, проходит определенный период времени, в течение которого должна действовать четкая процедура постоянного контроля за ситуацией, независимо от того, определит ее в **последующем** СБ как угрожающую международному миру и безопасности или нет.

Эта возможная констатация и возможные последующие санкции со стороны ООН, предусмотренные главой VII Устава, относится к общим вопросам разрешения споров в рамках ООН. Но диссертант подчеркивает важность контроля над ситуацией на всем ее протяжении.

В науке международного права и многими политиками уже давно ставится вопрос о том, **что должна быть создана институциональная система внешнего надзора за принятием важных для мирового сообщества решений, которые государства принимают самостоятельно (индивидуально).** Такие рассуждения доводятся вплоть до необходимости создания обязательного арбитража для конкретных ситуаций.

В создании независимой международной арбитражной власти для решения споров, связанных с односторонними вооруженными акциями в рамках института ИВС (по аналогии с обязательным арбитражем во Всемирной торговой организации), есть глубокий смысл, если, конечно, твердо взят курс на регулирование международной взаимозависимости как решающего фактора безопасности человечества (международной безопасности, региональной безопасности, безопасности каждого отдельного государства, безопасности личности).

Миссия военных наблюдателей - таким видится диссертанту первичное звено международного контроля в каждом случае ИВС государства. Желательно, чтобы эта миссия комплектовалась на многонациональной основе и подчинялась непосредственно Генеральному секретарю региональной организации (до тех пор, пока ситуация не перешла в ведение ООН). В настоящее время ст. 54 Устава ООН говорит о том, что региональная организация должна сообщать Совету Безопасности всю информацию относительно **местных споров**. Но что такое «местный спор» - вопрос до конца не ясный.

В любом случае за СБ должно быть закреплено исключительное полномочие учреждать миссию военных наблюдателей от своего имени изначально, либо когда для СБ очевидно, что ситуация вышла из-под контроля региональной организации или последняя не в состоянии должным образом назначить и проводить указанную миссию. Наблюдатели (как правило, офицеры командного звена не ниже командира полка, возможно - уволенные в запас) выполняют свои функции без оружия, действуя в одиночку или в составе небольших групп.

Данные такого наблюдения, независимо от того, какая организация его назначила и какой характер носит ситуация, должны в обязательном порядке передаваться в СБ. Язык статьи 54 Устава ООН в этом отношении несовершенен, поскольку говорит только о спорах, в то время как, особенно на первом этапе проведения вооруженной акции, нет никаких оснований говорить ни о

спорной ситуации, ни о споре. Спор как таковой может вообще не возникнуть, скажем, когда государство-жертва капитулировало.

В той же мере не отвечают реалиям (особенно первого этапа индивидуальной вооруженной акции государств) контрольные полномочия Совета Безопасности и по п. 4 ст. 52 Устава ООН и то, что СБ имеет право в любой момент, по собственной инициативе (ст. 34) или в случае обращения к нему сторон в споре или любого другого государства (ст. 35), произвести **расследование с целью выяснения характера местного спора** в смысле его значения для поддержания международного мира и безопасности. И если СБ придет к выводу о том, что данный местный спор способен создать угрозу поддержанию международного мира, то, как показывает практика деятельности Совета, он может усилить контроль за эволюцией такого спора путем сохранения его в своей повестке дня.

Снова речь идет только о споре и о сохранении его в повестке дня. Возможно, именно для контрольных функций и именно в отношении спора этого достаточно, поскольку СБ не устраняется от урегулирования любых таких споров и по существу (до тех пор, пока либо станет ясным, что региональная процедура разрешения спора не приводит к его урегулированию, либо сама региональная организация обратится к СБ с просьбой заняться рассмотрением спора).

Сложным является вопрос о том, в какой мере региональная организация или ООН вправе и в состоянии претендовать на контроль за стадией подготовки мер ИВС (в том числе - самообороны). Особенно превентивной самообороны. В конце концов, любые разумные доводы о недопустимости, неправомерности превентивной самообороны не исключают совершения подобных акций на практике.

Можно высказаться в пользу постоянного контрольного механизма за ситуацией в каждой стране. Полезную функцию здесь уже выполняют Уполномоченные по правам человека. Осталось, чтобы **Миссии военных наблюдателей** могли наблюдать и за военными приготовлениями, а не только за реальными действиями вооруженных сил.

После 1992 года, когда был заключен Договор по открытому небу (вступил в силу в 2000 году), даже такая идея уже не кажется фантастической. Идеология этого Договора пронизана функцией контроля. Договор 1992 года предусматривает на выбор: сотрудничество в «группах государств»; участие в полетах другой страны участницы, в форме многонациональной сборной наблюдательной команды; аренду самолета у другой страны-участницы; закупку копии полученного фотоматериала.

Помимо своей основной задачи, Договор может быть распространен на области, связанные с предотвращением конфликтов и регулированием кризисных ситуаций. Повышенное внимание привлекает Договор также с точки зрения его использования для выполнения таких задач как наблюдение за выполнением соглашений по прекращению огня, решений по демилитаризации, предотвращению распространения ОМУ и средств его доставки, обнаружению фактов применения химического оружия и т.п.

Но особое значение будет иметь Договор на «втором этапе», когда возможным станет создание самостоятельного парка «самолетов Открытого неба» и когда ККОН могла бы отойти от роли международного посредника и самостоятельно принимать решения о выделении самолета непосредственно в Комиссии. При этом механизм проведения чрезвычайных наблюдательных полетов «самолетами Открытого неба» уже разработан.

Словом, в международном праве уже есть нормы, которые, пока что в порядке обсуждения, можно использовать и для контроля в системе ИВС.

В Заключении сделаны основные выводы по материалу исследования.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ
В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:**

1. Гольцов С.Д. Превентивная дипломатия как упреждающее средство самозащиты государства от вооруженного нападения // Вестник Московского Государственного Открытого Университета. № 2 (15). Кропоткин. 2004.0,3 п.л.
2. Гольцов С.Д. Вооруженная самопомощь государств и современное международное право // Сборник научных трудов Южного отделения Российской Академии Образования. Ростов-на-Дону, 2004.0,5 п.л.
3. Гольцов С.Д., Малеев Ю.Н. Применение вооруженной силы государствами как мера превентивной самозащиты ad hoc от внешней угрозы // Московский журнал международного права. 2004. № 4.0,5 п.л. (лично диссертанта - 0,3 п.л.).

ГОЛЬЦОВ Сергей Дмитриевич

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ
ГОСУДАРСТВАМИ В ПОРЯДКЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ САМОПОМОЩИ**

В работе, прежде всего, раскрыты основные понятийные проблемы, определен объект и цели защиты, субъекты международного и внутригосударственного права, уполномоченные принимать меры индивидуальной вооруженной самопомощи (ИВС). Показан международный и внутригосударственный правовой и политический базис сохранения мер ИВС. Особое внимание уделено соответствию таких мер общепризнанным принципам и нормам международного права. Очерчены пределы применения вооруженной силы при ИВС. Показана специфика внутригосударственных мер ИВС. Предпринята попытка определить особенности возможного международного контроля за осуществлением мер ИВС.

GOLTSOV Sergei Dmitrievitch

**INTERNATIONAL LEGAL QUESTIONS OF USE OF ARMED FORCE BY STATES
AS AN INDIVIDUAL SELF-HELP**

The work starts from the problem of corresponding definitions. Among all, defined are the object and purpose of the individual armed self-help (IAS) as well as the subjects of international and interstate law authorized to implement IAS measures. Shown is the international and interstate basis of the IAS. Special attention is given to the question of correlation of the IAS measures to the general principles and norms of international law. The author tries to define limits of the use of the IAS measures and shows the specific nature of the domestic IAS measures. The work contains an attempt to define the essence of possible international control over IAS measures.

Подписано в печать 05.03.2005
Формат 60x881/16. Объем 1 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 139
Отпечатано в ООО "Printfields"
г. Москва, набережная Тараса Шевченко, 23а
тел.: 255-8474 | www.printfields.ru

22 МАР 2005

962